

КАТЕГОРИЯ ГОТОВНОСТИ В ПСИХОЛОГИИ

Р. Д. Санжаева

Бурятский государственный университет, г. Улаан-Удэ

Методологически готовность становится одной из центральных категорий, объясняющих и описывающих внутреннюю психическую реальность; связующим звеном между понятиями «психическое состояние» и «психический процесс». Несмотря на большое количество работ по проблемам психологической готовности, исторически это понятие исследовалось в основном как готовность к действию, т. е. как оперативная готовность, настроенность на выполнение того или иного действия и т. д. Понятие же психологической готовности имеет более широкое содержание и целенаправленно стало изучаться относительно недавно. Глубокое и всестороннее рассмотрение проблемы психологической готовности к деятельности позволяет расширить проблему и выделить отдельно понятие «готовность» как метакатегорию, как самостоятельное научное явление. С точки зрения житейской психологии мы понимаем, что быть готовым к чему-либо – значит иметь все необходимое для этого, пребывать в таком состоянии, когда необходимое действие эффективно выполняется или может быть выполнено в любой момент при необходимости. Многие поколения выросли под девизы: «Будь готов!» – «Всегда готов!», внедряются снова нормы ГТО (Готов к труду и обороне) и т. д.

Понятие «готовность» впервые в истории отечественной психологии было предложено Л. С. Выготским, и рассматривалось оно применительно к готовности детей к школьному обучению. По мнению Л. С. Выготского, «психологическая готовность к школе» и «школьная зрелость» (состояние, которое предшествует приходу в школу) являются синонимами [3–5].

Понятие готовности – многокомпонентное, кроме психологического содержания включает и другие компоненты (физическая подготовленность, психофизиологическое состояние, ресурсы, время и т. п.). Для того чтобы очертить границы психологического содержания готовности, необходимо исключить из понятия непсихологические компоненты. Если исключить усло-

вия готовности, лежащие вне человека (ресурсная готовность), а также физическое развитие (физическая готовность) и психофизиологические процессы (психофизиологическая готовность), остается некоторое психологическое содержание, которое традиционно и считается психологической готовностью. Именно здесь и заключается основная проблема – полученная конструкция является настолько объемной, что порождает множество подходов к ее операционализации, да и существенно затрудняет ее диагностику. В понятие психологической готовности включают индивидуально-психологические свойства и качества, важные с точки зрения предмета готовности, необходимые знания, умения и навыки, способности, а также все многообразие форм отношений к предмету готовности (установки, ценности, смыслы). По большому счету все известные психологические конструкции могут быть рассмотрены как компоненты готовности. Тогда можно говорить о психологической готовности в широком смысле как о состоянии всего психологического содержания субъекта в конкретный момент времени, имеющего отношение к предмету готовности. Однако при таком понимании психологической готовности понятие излишне размывается и смешивается с другими достаточно изученными понятиями, например, «профессионально-важные качества», «профессиональная компетентность» и т. д.

В психологическом словаре «готовность» трактуется как установка, направленная на выполнение того или иного действия. Эта установка предполагает наличие определенных знаний, умений, навыков; готовность к противодействию возникающим в процессе выполнения действия препятствиям; приписывание какого-либо личностного смысла выполняемому действию. К наиболее раннему пониманию психологической готовности к деятельности можно отнести подходы, авторы которых рассматривают готовность как состояние оперативной настройки на предстоящую деятельность. Например, А. А. Ухтомский понимал готовность как «оперативный покой», механизм которого опирается на подвижность нервных процессов, которые обеспечивают переход от оперативного покоя к срочному действию. Н. Д. Левитов понимает готовность как состояние, которое зависит от индивидуальных особенностей личности, типа

высшей нервной деятельности и условий, в которых протекает деятельность. Готовность понималась как целостная характеристика психической деятельности за определенный период времени, отражающая своеобразие протекания психических процессов в зависимости от отражаемых предметов и явлений действительности, предшествующего состояния и психических свойств личности. Н. Д. Левитов подчеркивает, что психическое состояние связано с психическими процессами и индивидуальными особенностями личности. Н. Д. Левитов различает длительную готовность (например, способного и образованного специалиста своей области) и временное состояние готовности. Относя последнее к «предстартовым состояниям», он говорит о трех видах такой готовности: обычном, не выделяющемся в положительную или отрицательную сторону, повышенном и пониженном состоянии готовности к работе. Н. Д. Левитов пишет: «Готовность может быть рассмотрена как пригодность или непригодность человека к исполнению данной работы, как наличие или недостаток у него необходимых для данной работы способностей» [8, с. 221].

Фундаментальные исследования психологической готовности проводились в космической (Е. А. Лебедев), авиационной (В. Л. Маришук, Б. Л. Покровский), инженерной психологии (М. И. Дьяченко, В. А. Пономаренко). Были получены значительные экспериментальные данные, которые при этом не вполне применимы к пониманию психологической готовности к деятельности, поскольку разрабатывались проблемы оперативной готовности, настроенности на совершение отдельного действия. Готовность понималась как некоторое активное состояние, необходимое для качественного исполнения своих обязанностей.

Иной вариант понимания психологической готовности предлагают некоторые исследователи других психологических понятий, объясняя психологическую готовность через другие, более изученные понятия или вовсе отождествляя с ними. Так, В. А. Ядов понимает готовность как определенный уровень ценностных ориентаций, В. Н. Мясищев – как отношение к деятельности.

Д. Н. Узнадзе фактически приравнивает понятия установки и психологической готовности, понимая под установкой готов-

ность к определенной форме реагирования. По Д. Н. Узнадзе, установка – это несознательное состояние, которое предшествует той или иной деятельности и определяет ее осуществление [11]. И. В. Дубровина, изучая профессиональное и жизненное самоопределение старшеклассников, приходит к выводу, что психологическая готовность к самоопределению предполагает формирование у старшеклассников *психологических механизмов*, обеспечивающих им в дальнейшем сознательную, активную, творческую жизнь. Автор называет в их числе «устойчивые, сознательно выработанные представления о своих обязанностях и правах по отношению к обществу, формирование моральных принципов и убеждений, понимания долга, ответственности, умения анализировать жизненный опыт, наблюдать за явлениями действительности, давать им оценку и т. д.» [6]. Попытки объяснить психологическую готовность через другие понятия не случайны. Психологическая готовность – это комплексная, интегральная характеристика психологического содержания субъекта, поэтому точно определить ее границы весьма непросто. Вероятно, любое психологическое понятие отличается известной условностью своего содержания и границ, обозначая не конкретный предмет или явление, а лишь некоторую часть реальности, которую большинство изучающих ее специалистов договорились так называть. Одним из таких понятий является «психологический механизм».

Большинство авторов придерживаются мнения, что готовность – это особое психическое состояние. Вместе с тем существует определение готовности как устойчивой характеристики личности. Ее называют по-разному: подготовленностью, длительной или устойчивой готовностью. Она действует постоянно, ее не надо каждый раз формировать в связи с поставленной задачей. Будучи заблаговременно сформированной, эта готовность – существенная предпосылка успешной деятельности.

Рассматривая структуру психологической готовности, мы включаем в нее мотивационный, ориентационный, операциональный, волевой и оценочный компоненты. Каждая деятельность уникальна, поэтому структура психологической готовности к каждой конкретной деятельности должна изучаться специально и может быть специфичной не только по содержанию, но

и по структуре входящих в нее компонентов. Очевидно наличие в динамической и целостной структуре психологической готовности «стержневого, направляющего образования». Этим образованием мы выделили мотивационную готовность к предстоящей деятельности, обосновывая это тем, что вне мотива и смысла невозможна ни одна деятельность, не реализуемы никакие, даже самые усвоенные знания и предельно сформированные умения. Самый «хороший» мотив может быть не реализован по целому ряду психологических, социальных и иных обстоятельств. Это относится и к психологической готовности в целом, которая может быть заблокирована, например, физическим состоянием (неготовностью) человека. Иными словами, готовность действительно может иметь место, но в конкретный момент времени не проявляться, т. е. быть заблокированной, делая подготовленного человека в данный момент не готовым к осуществлению деятельности. Необходимо говорить отдельно о подготовленности как долговременной характеристике, и об оперативной готовности как состоянии психологической мобилизации к выполнению деятельности. И это во многом зависит от *психологических механизмов* конкретной деятельности.

В обобщенном виде В. Г. Леонтьев [9] рассматривает мотивационный механизм как систему психофизиологических, психических и социальных предпосылок мотивации как направленного побуждения человеческого поведения и деятельности. Все механизмы мотивации неоднородны, разноуровневые. Кроме того, они имеют разную степень обобщенности и конкретизации. Одни способны обеспечивать активность поведения только в одной какой-либо конкретной ситуации. Они обладают высокой избирательностью. Всякие изменения ситуации прекращают действие механизма. Другие – более обобщенные, способные обеспечивать активность поведения в различных условиях и ситуациях. Третьи имеют статус всеобщего механизма. Его действие просматривается практически во всех случаях поведения и деятельности человека. Такие механизмы В. Г. Леонтьев называет исходными, генерализованными.

Выдающийся психофизиолог Н. А. Бернштейн, разрабатывая проблему физиологии активности, главным звеном которой он признавал модель потребного будущего, считал, что орга-

низму присуща активность, а не реактивность. «Процесс жизни, – писал он, – есть не “уравновешивание с окружающей средой”, как понимали мыслители периода классического механицизма, а преодоление этой среды, направленное при этом не на сохранение статуса или гомеостаза, а на движение в направлении родовой программы развития и самообеспечения» [2, с. 314].

В системе психологических механизмов регуляции деятельности, саморегуляции важное место занимают механизмы волевой регуляции (В. И. Селиванов, В. А. Иванников и др.). В контексте культурно-деятельностной теории В. А. Иванников, исследуя психологические механизмы волевой регуляции действия, выделяет реальный механизм, реальное образование, которое обеспечивает побуждение к действию, – *смысл действия*. Он формируется в совместной деятельности людей и определяется не только мотивами каждого человека, но и социальной связью действий разных людей [7, с. 6].

Готовность к решению определенной задачи задается актуальной потребностью или социальной необходимостью, и в случае наличия нескольких реакций с одинаковым смыслом создается возможность их взаимозаменимости и произвольного использования. Такое переключение, по мнению Л. С. Выготского, первоначально осуществляется другим человеком через внешние сигналы, так что поведение осуществляется как бы двумя людьми; один обеспечивает побуждение через сигналы, второй выполняет действие, если, конечно, к этому имеется мотив. В развитой форме действие начинается по самокоманде.

Важным является вопрос определения психологических механизмов, которые способствуют переформированию личности. В качестве основных механизмов в психологической литературе совершенно верно выделяются обратная связь, или конфронтация личности со своим «Я»; информация о себе в восприятии других; понимание и принятие других; открытое выражение своих чувств и эмоций, осознание потребности в коммуникации и степень удовлетворенности ею. Очевидно, что в самоотчетах лиц просматривается прежде всего стремление к адекватности самопонимания и повышению ценности своего «Я». Каждый механизм качественно специфичен, т. е. привлекается для объяснения строго определенных характеристик или закономерно-

стей социального восприятия. Одни из них актуализируются в достаточно широком диапазоне социальных ситуаций, относятся к широкому классу социальных объектов.

В контексте культурно-деятельностного подхода в наших исследованиях таковыми являются психологические механизмы локуса контроля, идентификации и механизм динамического равновесия. Эти механизмы отличаются разной степенью обобщенности и специфичностью действия.

Дж. Роттер предложил различать между собой людей в соответствии с тем, где они локализируют контроль над значимыми для себя сообщениями. Существуют известные два типа такой локализации, или локуса контроля: интернальный и экстернальный. В первом случае человек считает, что происходящие с ним события прежде всего зависят от его личностных качеств. Во втором случае человек убежден, что его успехи или неудачи являются результатом таких внешних сил, как везение, случайность, давление окружения, другие люди и т. п. Дж. Роттер вывел locus контроля из своей «теории социального научения»: система обобщенных ожиданий формируется в результате прошлого опыта, но поведение детерминруется не всяким подкреплением, а лишь таким, которое имеет ценность и смысл для индивида в конкретной психологической ситуации [14; 15]. В нашем исследовании выявлены многие личностные корреляты локуса контроля в экспериментальной группе психологов и в контрольной группе священнослужителей. Их интернальность положительно связана с ответственностью, с осознанием человеческого смысла, целей жизни, с толерантностью, самоконтролем, принятием своего «я», с достижениями чего-либо путем согласия.

В жизни человека сильно воздействует *психологического механизма идентификации*, который относится к стихийным механизмам формирования личности (Ю. Б. Гиппенрейтер и др.). Субъект, подвергаясь их действию, в полной мере не осознает их и сознательно ими не управляет. Они доминируют в детстве до подросткового возраста, затем так же продолжают участвовать в развитии личности вместе с сознательными формами «самопостроения». Большая роль в передаче личностного опыта принадлежит личному примеру, «заражению», подражанию. На

более поздних возрастных стадиях чрезвычайно расширяется круг лиц, из которых выбирается образец – объект идентификации.

Механизм динамического равновесия как базовый, генерализованный для других мотивационных механизмов, для формирования готовности к деятельности был разработан В. Г. Леонтьевым [9].

Проведенные специальные наблюдения и анализ организменных, например, обменных процессов показали, что неуровновешенность в какой-либо системе всегда возникает вслед за достижением равновесия в другой, связанной с ней системой. Уравновешенность как бы порождает неуровновешенность. Эта закономерность наблюдается и на уровне организма, и на уровне личности, на уровне системы «человек – среда» и т. д. Равновесие представляет собой динамический процесс уравновешивания. Поэтому такой механизм назван механизмом динамического равновесия, и он соответствует ведущему понятию в буддизме срединного пути [1].

Согласно взглядам Б. Ф. Ломова [10], представление об установке как упорядоченном единстве всех биологических и психологических функций даст возможность оценивать готовность как многомерную систему, объединяемую в единство общим системообразующим фактором, поиски которого продолжаются, и рассматривать категорию готовности на уровне таких категорий, как деятельность, общение, ценности, смысл и т. д.

Литература

1. Актуальные проблемы психологии Байкальской Азии в условиях трансграничия: кол. монография / науч. ред. Р. Д. Сагжасва. Улан-Удэ: Изд-во Бурят гос. ун-та, 2012. 312 с.
2. Бернштейн П. А. Биомеханика и физиологии движений. М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 1997. 364 с.
3. Выготский Л. С. Собрание сочинений : в 6 т. М.: Педагогика, 1982–1984 гг.
4. Выготский Л. С. Педагогическая психология / под ред. В. В. Давыдова. М.: Педагогика-Пресс, 1996. 536 с.
5. Выготский Л. С. Психология развития как феномен культуры. М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 1996. 242 с.
6. Дубровина И. В. Практическая психология образования. СПб.: Питер, 2004. 592 с.

7. Ивашиков В. А. Деятельностная природа личности // Вопр. психологии. 2015. № 6. С. 3–9.
8. Левитов П. Д. О психических состояниях человека. М. : Просвещение, 1964. 424 с.
9. Леонтьев В. Г. Мотивация и психологические механизмы ее формирования. Новосибирск : НГПУ, 2000. 286 с.
10. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М. : Наука, 1984. 448 с.
11. Узадзе Д. Н. Установка у человека. Проблема объективации // Психология личности в трудах отечественных психологов. СПб. : Питер, 2000. С. 87–91.
12. Образы, традиции и культура межнационального мира и согласия : кол. монография / науч. ред. А. Д. Карнышев. Иркутск : Изд-во ИИГУ, 2014. 286 с.
13. Санжаева Р. Д. Готовность и психологические механизмы ее формирования. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2017. 208 с.
14. Серый А. В. Система личностных смыслов: структура, функции, динамика. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2004. 272 с.
15. Япитцкий М. С. Целостное измерение массового сознания. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2012. 237 с.